

Не в своей тарелке

Калахари, январь 1998 года

Самое главное в Калахари — то, что она вас ненавидит. Она не постелет вам под ноги ковровую дорожку, не украсит вашу шею цветочной гирляндой и не попотчует вас дармовым стаканчиком сангрии. У нее не припасено для вас ни гостеприимной улыбки, ни информационного центра, ни наушников с переводом, ни экскурсионного маршрута с живописными видами. Если уж говорить начистоту, она вас терпеть не может, причем и не думает хоронить эти чувства в себе — наоборот, она с удовольствием похоронила бы в себе вас. Ее ненависть к вам имеет отнюдь не абстрактный, а откровенно личный характер.

Она прямо-таки жаждет с вами разделаться. Хороший турист в Калахари — мертвый турист, и очень многие ее обитатели считают труп предметом первой необходимости. Кроме обычных персонажей сериала о дикой природе, всегда готовых разорвать вас на части, здесь есть еще уйма изобретательной мелкоты, мечтающей извлечь из вас непосредственную пользу. Клещи, которые годами дремлют в земле, но, едва учувя выхлоп вашего автомобиля, откапываются, чтобы высосать вас досуха. Пауки величиной с монетку, которые могут превратить вашу ногу в раздираемое болью черное бревно, жук с торчащим из задницы двойным шприцем, через который он всегда рад ввести вам под кожу порцию жгучей кислоты.

А такого количества колючек не найти больше нигде на свете. На шипах, растущих из веток, имеются дополнительные шипы, причем все как один с ядовитыми кончиками. Словом, у каждого есть свой уникальный способ прямо и недвусмысленно объявить вам: если хочешь жить, проваливай. Забудьте об эффектных и трогательных закатах в духе сэра ван дер Поста¹, — все это чушь, здесь нет никакой романтики. Калахари — царство аморального свободного рынка, безжалостного капитализма, где всем заправляют профессионалы. И мне здесь нравится — нравится потому, что это последний уголок на нашей планете, где нет лукавства.

«Согласно местному обычаю, мы не стираем нижнее белье» — гласит примечание к списку услуг в моей палатке. Вот что такое истинная традиция — бессрочный запрет на отжимание чужих трусов. В глубине седой древности какие-то мудрые люди собрали свои племена и сказали: «Тысячелетий этак через несколько сюда заявятся странные бледнокожие незнакомцы в исподнем от Келвина Кляйна — не вздумайте даже пальцем к нему прикоснуться».

Двадцать часов назад я вместе с тысячей других пассажиров приехал в Хитроу, сел в гигантский аэробус и полетел в Йоханнесбург, потом перебрался в самолет поменьше, с полусотней пассажиров, и отправился в ботсванский Муан, а оттуда, в компании одного лишь Бога, моей подруги да пилота с ляжками, похожими на упитанных гиппопотамчиков, прибыл к большому дереву посреди пустыни Калахари. Ботсвана — самая плоская страна в мире; если Долли Партон ляжет здесь на спину, ее грудь станет для путников прекрасным ориентиром.

Лагерь San Camp приютился в пальмовой рощице на краю света. Я сижу на холщовом стульчике, держа в руке список

---

¹ Сэр Лоренс ван дер Пост (1906–1996) — южноафриканский писатель, философ и общественный деятель, активный борец за защиту окружающей среды. (Здесь и далее прим. перев.)

услуг. Наступил тот восхитительный момент, когда ваша одежда, уши и глаза еще настроены на шум, толкотню и двадцатый век, но кожа уже чувствует, что все это осталось далеко позади; вас охватывает странное ощущение подвешенности между двумя абсолютно разными местами. А уж места необычнее этого нигде не сыскать. Лагерь состоит из палаток образца сороковых годов — они приводят на память фильмы со Стюартом Грэйнджером, — где нет ни умывальников, ни электричества, зато есть кровати с балдахинами на четырех столбиках, противомоскитные сетки, батистовые простыни, бадейки с водой для обливания, лампы с парафиновым маслом и внимательные слуги. Через откинутый полог моей палатки видна простирающаяся до самого горизонта долина Макгадикгади, смахивающая на бабушку всех норфолкских пляжей.

Это одно из наименее изученных мест на земле. Оно до сих пор остается белым пятном. В сезон дождей здесь живут три миллиона фламинго — наикрупнейшая и наирозовейшая колония этих созданий, так напоминающих юную Барбару Картленд¹. Сейчас здесь сухо и на сотни миль вокруг никто не живет, но как раз поэтому я сюда и приехал. Здесь можно убедиться, что земля поката. Повернись на 360 градусов, и не увидишь ровным счетом ничего, кроме чистого небосвода. Привлекает именно эта пустота — минимализм самого Господа Бога.

Лучший способ пересечь соляную пустошь — это перелететь ее по воздуху, как делают коршуны и вороны. Для тех, кто не может последовать их примеру, придуман четырехколесный мотоцикл — подобие газонокосилки с толстыми покрышками, рассчитанной на двух седоков. Только не забудьте правильно экипироваться. Костюм на отдыхе — это первое дело. А тут костюмчик что надо; вы пакуетесь в него целиком. Соль на пару с солнцем способны освеживать вас заживо, да и глаза ваши без очков рискуют лопнуть, как перезрелые виноградины, поэтому мы выглядим точно помесь Лоуренса Аравийского

¹ Барбара Картленд (1901–2000) — знаменитая английская романистка.

с Безумным Максом — куда до нас любителям подводного плавания и горнолыжникам, похожим в своих комбинезонах на ясельников-переростков!

Мы отправляемся в путь на рассвете — цепочка из четырех мотоциклов, груженных постельными скатками, провизией и водой. Наш дальнобойный караван ползет по пустыне неторопливо, на индийский манер. Здесь лучше держаться незаметно, и мы стараемся оставлять за собой как можно меньше следов. Обязанности проводника взял на себя владелец нашего лагеря, Ральф Баусфилд. Этот белый африканец в пятом поколении выглядит как типичный герой женского романа; все его предки были скитальцами, охотниками и исследователями и сами стирали себе подштанники. Его отцу принадлежит один из немногих рекордов в Книге Гиннеса, на которые не посягнул Рой Касл¹: на его счету сорок три тысячи убитых крокодилов. Ральф живет в буше с трехлетнего возраста. Он хмур, словно гибрид Дэниела Дей-Льюиса с испанским официантом, питает к своей родине несентиментальное уважение и знает ее как свои пять пальцев — причем в равной мере с западно-научной и бушменско-фольклорной точек зрения.

Когда-то в огромной тарелке Макгадикгади плескалось внутреннее море. Ее и сейчас окаймляют совсем неуместные здесь, в тысячах миль от любого побережья, дюны из морских ракушек. На гребне одной гряды поблескивают черные неолитические топоры, стрелы и скребки. Испытываешь невольный трепет, поднимая вещь, которой вот уже десять тысяч лет не касалась рука человека. Тот, кто обкалывал этот кремьень, и не подозревал, что делает первый шаг по дороге, ведущей к гигантским воздушным лайнерам и небоскрегам, — берешь наконечник стрелы и чувствуешь, что это каким-то образом замыкает круг. Еще здесь рассыпаны крошечные бусины — стеклянные, каменные и из скорлупы страусиных яиц, —

¹ Рой Касл (1932–1994) — английский актер и музыкант; несколько его рекордов занесены в Книгу Гиннеса.

которые с незапамятных времен использовались бушменами в качестве украшения. Среди них попадаются финикийские, римские и даже китайские: бусы выменивались на соль. Соляные лепешки, которые блестят в долине, как сахарная глазурь, испокон веку были основным товаром краснокожих местных жителей, бушменов.

Мы катим по опаленной солнцем земле. Зной постепенно усиливается, и вокруг начинают играть миражи. Подстриженные лавровые деревья висят над сверкающими озерами — на самом деле это не озера, а стайки страусов. Мы минуем барельефы из ласточек: потеряв силы, они упали на землю во время перелета и безупречно законсервировались в слое соли. Едем мимо слоновьих следов, которые идут по кругу, а потом загадочно исчезают, мимо черепов зебр, все дальше и дальше. Выжми газ на полную катушку, закрой глаза и путешествуй в стиле дзэн — здесь не во что врезаться и можно ехать, пока не свалишься с края земли.

Порой на тебя нисходят внезапные откровения, когда вдруг понимаешь, какова твоя истинная роль в мировом круговороте. Здесь теряешь чувство времени, пространства и направления. Мерно гудит мотор, но ощущение движения отсутствует — и вот все химеры тщеславия и могущества, порожденные достатком и положением в обществе, куда-то испаряются, вся тонкая паутина дружеских связей, планов и расчетов, вся человеческая иерархия надежд и достижений теряет свой смысл и пропадает без следа.

Когда день клонится к закату, мы видим на горизонте темный мазок — остров Кубу. Этот гранитный кулак на бескрайней равнине и есть цель нашей поездки. Он встает перед нами, как зеленый барочный эльфийский город. За всю жизнь я видел мало зрелищ, внушающих искреннее и глубокое благоговение. Остров Кубу относится к их числу. Украшенный исполинскими баобабамы, похожими на толстых балерин в красном, старше самого Бога... или по крайней мере Христа.

Это естественное чудо, превосходящее собой все мыслимые чудеса и опровергающее все ходячие представления о том, что значит «естественное». Священное для калахарских бушменов, оно исстари было для них ритуальным центром и средоточием магической силы. Кубу словно подвешен к небу над чистым земным полотном — а может, это просто обложка альбома, записанного в семидесятых третьеразрядной рок-группой под названием «Темницы и драконы».

Прислуга из лагеря поспела сюда раньше нас: вода в котле для импровизированного душа уже весело булькает, нагретая до кипения. Стол накрыт к ужину, на отдельном подносе ждут напитки — Beefeater и вина с георгианскими печатками на этикетках. Для наших постелей подыскали места повыше — а вот и обещанный козел.

Я просил раздобыть козленка — не совсем детеныша, но младше года. Однако к дереву привязан поджарый, пятнистый, вислоухий козлище с безумными глазами, который вполне сгодился бы в талисманы какому-нибудь полку. Он так стар, что помнит колониальную эпоху. Повар с улыбкой достает тесак, которым ничего нельзя разрезать, поскольку он тупее пенька. К счастью, у меня есть орудие поострее — швейцарский армейский нож. Прикончить, освежевать и разделать таким ножиком агрессивно настроенного козла размером с шетлендского пони — задача не из тех, за которые стоит браться у себя дома. Звучат шутки и смех, брызжет кровь — а потом при свете факелов я беру подрагивающую заднюю ногу, посыпаю ее каменной солью, сдабриваю шалфеем, и ужин почти готов.

Когда последний краешек солнца отправляется в Южную Америку, восточный горизонт начинают затягивать облака. Они громоздятся одно на другое, будто сердитый повар сбивает картофельное пюре. Стратосферные ветра хлещут их по макушкам, разглаживая сверху облачную кучу и придавая ей форму наковальни, — картина, характерная для тропиков. Грядет буря. Но до дождя еще далеко. Сидя у костра, кто-то

шутит, что мы зря убили козла, осквернив своим опрометчивым поступком это священное, исполненное тайны место. Потом мы идем спать. Мы лежим и смотрим на звезды, в которых бушмены видят костры, разоженные их предками. Становится зябковато, но нам тепло и уютно в постелях с горячими грелками и пуховыми подушками.

Первые крупные капли шлепнулись на нас около полуночи. Следующие шесть часов были самыми ужасными в моей жизни. Это не метафора, а констатация факта.

Если вам не довелось испытать на себе, что такое тропическая буря, послушайте меня: забудьте все, что вы знаете о дожде. Европейский дождь относится к тропическому ливню примерно так же, как слив воды в унитазе — к ревущей Ниагаре. Буря прочистила глотку над долиной и разразилась прямо над нашими головами: стробоскопическое сверкание молний сопровождалось синхронными раскатами грома. Струи дождя свистели и пели, точно град винтовочных пуль. Страх начался в форме легкой внутренней дрожи с довеском тревоги, которую еще можно было прогнать при помощи здравого смысла и полузабытой школьной физики. Нашу постель затопило, моя спутница принялась рыдать, а блеск и треск неистовствовали час за часом, отдаваясь эхом среди гранитных скал. На сетчатке моих прищуренных глаз вспыхивали лица моих детей, и я гадал, суждено ли мне услышать удар молнии, которая меня поджарит. Я знал — хотя лучше бы мне не знать, — что гранит проводит электричество благодаря на редкость высокому содержанию металла, а ведь место, где мы находились, было самым высоким на сотни и сотни миль в округе.

Содержимое моего кишечника, которое уже несколько дней притворялось каменным, решило сделать то, чего не могли сделать все мы, то бишь эвакуироваться. Признаюсь честно: память о том, как я сижу на корточках, словно горгулья на крыше Шартрского собора, и пытаюсь унять судороги панической диареи, будет просачиваться в мои кошмары до тех пор,

покуда я не присоединюсь к бедняге козлу. Долину озаряли рваные вспышки, словно неподалеку трудился космический сварщик. Баобабы скакали и улюлюкали. В небе, как в разбитом кристалле, плясали осколки света. И все это, с короткими передышками, продолжалось неведь сколько времени. Наконец мало-помалу дождь иссяк, а молнии выгорели дотла и были поставлены на подзарядку, после чего поднялся ветер, завывающий, точно ведьма.

Наступило облегчение, как в финале образцового фильма-катастрофы. Мы были мокры насковзь — блаженное свидетельство того, что жизнь нас еще не покинула.

Мы лежали, обнявшись и стуча зубами, пока над гранитными утесами не забрезжил робкий рассвет. Я не стыжусь сознаться, что молился с таким фанатическим пылом, с каким — выражу скромную надежду — мне никогда больше не придется этого делать. К несчастью, я, по-видимому, возносил молитвы не тому богу.

Долина медленно нагревалась; слуги кое-как приготовили завтрак, появились остальные наши товарищи. Мы встретили их облегченным смехом, и у меня возникло нелепое желание побриться. Я прислонил к скале зеркальце, улыбнулся своей физиономии в нем и тщательно отскоблил щеки и подбородок от выросшей за ночь белесой щетины.

На обратном пути мы остановились, чтобы набрать соли. Под ее толстым кристаллическим слоем копошились мелкие жучки. Как они умудряются жить в этом соляном царстве? Жучки совсем крохотные, упругие, одинокие — экосистема из единственного вида. Я посадил несколько штук в коробку из-под пленки и взял с собой в Лондон.

Потом я провел счастливый день, собирая помет (у гиен он белый, у трубказубов, или африканских муравьедов, состоит исключительно из головок термитов) и наблюдая за парочкой влюбленных жуков: похожие на сережки от Тиффани, они бродили по песку, сцепившись в одно целое в перманентном

коитусе. Мы ели «сопливые яблоки» — отвратительное бушменское лакомство, которое липнет к нёбу вязкой слизью с легким фруктовым привкусом, будто вам в рот чихнула большая гриппом овца. А еще я видел почтовое дерево — самое большое в Южной Африке, оно служит ориентиром на сотни миль вокруг. Среди имен первых белых исследователей, вырезанных на его многократно разветвленном стволе, можно, хоть и с трудом, разобрать имя Ливингстона. Мы ходили по следу с бушменами. Они улавливают невидимые приметы с уверенностью инспекторов дорожного движения, шагающих по Пиккадилли, и сами становятся животными, которых выслеживают. «Здесь были три льва. Мать и два молодых, один самец, другая самка. Они не ели». Прошу прощения, но зачем я иду за голодными львами, когда начинает смеркаться?

Калахари — страна крайностей, метафор и аллегорий. Она перетасовывает вашу колоду, передвигает мебель у вас в мозгу, разрушает вашу иерархию ценностей. Она обеспечивает вам первоклассную целительную встряску.

Вернувшись в Лондон, я отнес своих жуков в Музей естественной истории. Там опознали вид — *Rogonus*, но нелатинского названия у этих жучков нет. Мы не знаем, как они живут, что едят и почему угодили в соль. Надеюсь, лет через пятьдесят их включат в экспозицию. Этот вид можно было бы назвать жуком — приправой Гилла, но я предпочел бы другое наименование: жук «Уж я-то знаю, приятель, как тебе несладко».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

